

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ В 1730-Е ГОДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ СЫСКНОГО ПРИКАЗА¹

Видничук Анастасия Олеговна

НИУ «Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

avidnichuk@hse.ru

Аннотация. История женской преступности – заметное направление западной исторической науки. Тем не менее в отечественной историографии этот социальный феномен до сих пор не получил должного внимания. Цель данной статьи – частично восполнить пробел в историографии, выявив особенности женской преступности в России в начале XVIII в. путем сопоставления ее с мужской. Статья основана на судебно-следственных материалах главного розыскного учреждения Московской губернии в рассматриваемый период – Сысского приказа. Как демонстрирует исследование, гендер во многих случаях являлся значимой переменной в судебном деле, определяя мотивы, способы и обстоятельства совершения уголовных преступлений. Женщины практически не совершали преступлений, предполагающих использование оружия или физической силы, и практически не имели возможности навредить «государственному интересу». Основными видами женских преступлений были кража, скупка и продажа краденого, блуд и «волшебство». Женщины были склонны пользоваться магическими словами или предметами в хозяйственных делах, а также привлекать их для решения проблем, связанных с взаимоотношениями с окружающими, будь то мужья, возлюбленные или хозяева-помещики. Женщины не были вовлечены в публичную сферу и в силу этого не имели необходимых навыков для совершения некоторых видов преступлений, например, фальшивомонетничества.

Ключевые слова: история преступности, гендерная история, Сысский приказ, петровские реформы, солдаты, патриархат, кража, блуд, «волшебство», поджог.

Цитирование: Видничук А.О. Женская преступность в России в 1730-е годы по материалам Сысского приказа // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 122–137. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-122-137 / Vidnichuk A.O. Female Criminality in Russia in the 1730s according to the Materials of the Detective Order, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No 3. Pp. 122–137. DOI 10.185722/2500-3224-2021-3-122-137.

© Видничук А.О., 2021

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90010/20 / The reported study was funded by RFBR, project number № 20-39-90010/20.

FEMALE CRIMINALITY IN RUSSIA IN THE 1730S ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE DETECTIVE ORDER

Vidnichuk Anastasia O.

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia
avidnichuk@hse.ru

Abstract. The history of female criminality is a thriving field in Western historic scholarship. Nevertheless, this social phenomenon has not yet received attention in Russian historiography. The article aims to partially fill the gap in historiography by identifying the features of female criminality in Russia in the early 18th century by comparing it with male criminality. The article is based on the court materials of the main court and detective body of Moscow province in the period under review – the Investigative Chancellery. As the study demonstrates, gender was a significant variable in the court cases, determining the motives, methods and circumstances of the commission of crimes. Women practically did not commit crimes involving the use of weapons or physical force, and almost had no opportunity to harm the “state interest”. The most common female crimes were theft, purchase and sale of stolen goods, fornication and magic. Women tended to use magic words or objects in household, and also to involve them in solving problems related to relationships with others: husbands, lovers or landlords. Women were not involved in the public sphere and therefore did not have the necessary skills to commit certain types of crimes, such as counterfeiting.

Keywords: history of criminality, gender history, Investigative Chancellery, Petrine reforms, soldiers' wives, patriarchy, theft, fornication, magic, arson.

История преступности и, в частности, в раннее Новое время – одно из заметных предметных полей современной исторической науки. Первоначально интерес к этой проблематике возник под влиянием работ социологов, продемонстрировавших необходимость изучения общества, как целостного организма, включающего не только формально-юридические, но и маргинальные социальные группы.

Возникновение гендерной истории привело к появлению как самостоятельного направления истории женской преступности. В десятках исследований по этой проблематике, опубликованных в западной историографии [см., например: Devereaux, 2005; Gartner, McCarthy, 2014; Kilday, 2007; MacKay, 1999; Rublack, 1999; Walker, 2003], можно выделить две основные тенденции: стремление опровергнуть устоявшиеся представления о «типично женском» поведении и попытки отойти от объяснения фактов с помощью таких понятий как «патриархат», «угнетение», «бесправие». Однако на российском материале ни изучение истории преступности в целом, ни история женской преступности до сих пор не получили достаточного развития.

XVIII в. с точки зрения истории преступности представляет особый интерес. Изменение в результате петровских реформ социальной структуры российского общества, появление новых социальных практик, Северная война, рекрутская повинность, расквартирование регулярной армии в городах и сельской местности – все это сказывалось на жизни женской части населения страны. Традиционная историография описывала изменения в положении русской женщины как прежде всего «выход из терема». В последнее время историки обратились и к таким ранее не привлекавшим внимания аспектам жизни женщин, как участие в экономической деятельности [Маррезе, 2009], семейная жизнь [Белова, 2014; Пушкарева, 2012], домашнее насилие [Муравьева, 2012] и др.

Обращение к истории женской преступности – это еще один аспект, позволяющий дать новые сведения о женском опыте столкновения с законом, о стратегиях выживания и приспособления женщин, оказавшихся «на обочине», об ограничениях, которые налагала на женщин система патриархата, и о том, как они извлекали из нее выгоду.

История преступности в России XVIII в. отчасти затронута в монографии Н. Коллманн, посвященной более раннему времени [Коллманн, 2016], но единственным специальным исследованием преступности в России XVIII в. является монография Е.В. Акельева [Акельев, 2012]. Специальных работ по истории женской преступности в современной отечественной и зарубежной историографии нет и лишь отдельные ее аспекты косвенно затрагивались в работах историков в связи с изучением политического сыска, магических практик, сексуальной культуры, судеб солдаток и др. [Анисимов, 1999; Кошелева 2002; Кошелева 2003; Лавров 2000; Ролдугина, 2016; Смилянская, 2001; Щербинин, 2004; Бошковска, 2014; Кивельсон, 2020].

В данной статье предпринимается попытка частично восполнить пробел в историографии путем выявления особенностей женской преступности в России начала

XVIII в., видов преступлений, совершенных женщинами, обстоятельств, причин и способов их совершения. Само понятие «женская преступность» подразумевает, что гендер влияет на методы, используемые преступниками, их мотивы и склонность к совершению различных преступлений. Эмпирическое исследование должно подтвердить или опровергнуть эту позицию и выяснить, является ли гендер значимой переменной. Для выявления специфики женской преступности применяется историко-сравнительный метод: проводится сравнение женских и мужских кейсов. Вопрос о наказаниях за преступления, требующий специального изучения, выходит за рамки статьи.

Очевидно, что женская преступность в России XVIII в. — обширная тема, требующая изучения большого массива исторических источников. Начать ее изучение целесообразно на примере относительно небольшого периода времени, в течение которого законодательная политика и правоприменительная практика не менялись, и на основе репрезентативного комплекса источников, отражающих ситуацию в одном из регионов страны. 1730-е гг. представляют собой именно такой период, поскольку законодательство и практика суда и следствия оставались стабильными на протяжении всего правления императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). Также это первое десятилетие деятельности Сысского приказа, создание которого в 1730 г. ознаменовало новый этап в организации следствия и суда по уголовным преступлениям и документы которого составляют источниковую базу настоящего исследования.

В 1730 г. был создан не только Сысской, но и Судный приказ. В марте 1730 г. Сенат, представил императрице доклад с краткой исторической справкой о системе судебных органов до петровских реформ. Необходимость восстановления приказов сенаторы объясняли тем, что Московская губернская канцелярия, ввиду передачи в нее всех «судных и розыскных дел» после упразднения в 1727 г. надворных судов, а также ввиду концентрации в Москве большого количества «как вышних, так и нижних чинов людей», не только не успевает осуществлять судебные функции, но «и в одном Губернском Правлении исправиться [ей] никак не можно» [ПСЗРИ, т. 8, № 5521].

Если до 1710 г. приказы, наделенные судебными полномочиями, подразделялись по множеству признаков, то в новом устройстве приказов предполагалось сохранить только разделение по характеру правонарушений. Хотя до реформ Екатерины II российское право не знало формального разделения на уголовную и гражданскую отрасли [Коллманн, 2016; Бабкова, 2014], это не означает, что законодатели и судьи не видели разницы между проступками и преступлениями и не пытались организовать судебный процесс в соответствии с этими различиями [Мигачуева, 2013]. Именно эти попытки и легли в основу разделения дел между Сысским и Судным приказом. Судный приказ ведал разнообразными имущественными спорами, мелкими кражами, побоями, бесчестьем, побегам крестьян (без кражи имущества хозяина) и т.д., а Сысской стал главным в Московской губернии ведомством, ведавшим «татинными, убивственными и разбойными

делами» [Об истории Сысского приказа, его структуре, функциях, стадиях судебного разбирательства см. Акельев, 2009; Акельев, 2012 а; Акельев 2012 b; Акельев, Бабкова, 2011]. При этом расследованием политических преступлений ведала Тайная канцелярия, а нарушения брачного законодательства остались в ведении церкви. Таким образом, наше исследование сосредоточено на преступлениях, совершенных в пределах Московской губернии.

Следственное дело возбуждалось по явочной челобитной истца, где он излагал подробности происшествия. Доставленный в приказ обвиняемый подвергался допросу, процедура которого не была специально регламентирована (Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. только регламентировал ход следствия и форму челобитных [ПСЗРИ, т. 7, № 4344]). Показания обвиняемых были ограничены вопросами ведущих следствие подъячих и поэтому до нас дошла преимущественно информация, представлявшая ценность для суда [о возможностях и ограничениях работы с судебной-следственной документацией см.: Каменский, 2007; Лавров, 2000; Тогоева, 2018]. Но это не означает, что подсудимые не могли самостоятельно выстраивать свои «истории» и реализовывать разные стратегии защиты.

Всего за рассматриваемое десятилетие в фонде Сысского приказа выявлено 449 архивных дел. Конечно, это не все преступления, совершенные в московском регионе в 1730-е гг. Не все инциденты дошли до суда: часть потерпевших считала слишком затратным ведение судебного процесса [расценки на судебные издержки см.: Муравьева, 2013, р. 313–314], часть конфликтов, вероятно, была разрешена без обращения в суд. Однако полученная выборка представляется достаточно репрезентативной, чтобы сделать некоторые предварительные наблюдения.

Подавляющее большинство преступлений в нашей выборке совершено мужчинами; женщины составляли менее одной пятой всех преступников. Случаев, когда мужчина и женщина совершали преступления вместе, еще меньше (см. Табл. 1).

Среди преступниц можно обнаружить представительниц практически всех слоев русского общества XVIII в. Почти три четверти из них – крестьянки (в группу «крестьянки» включены дворовые и оброчные), пять обвиняемых – дворянки, а восемнадцать женщин назвали себя женами или вдовами солдат. Шестеро женщин работали по найму и жили «по билету» (скорее всего, это тоже были солдатки), по одной женщине назвали себя дочерью «старьевщика», женой дворника и женой купца, две были женами церковников, а остальные три – женами канцелярских служащих. Социальный статус трех преступниц не указан.

Тот факт, что крестьянки составляли самую большую группу преступниц, не означает, что именно они были наиболее склонны к совершению преступлений. Это отражает социальный состав населения России того времени, в котором крестьяне составляли, по разным оценкам, от 80 до 90 % [Миронов, 2000, с. 130; Водарский, 1977, с. 192]. Однако вызывает недоумение, что за десятилетний период в базе

фигурируют лишь пять женщин из мелкой знати. Возможно, немногие знатные женщины совершали преступления уголовного характера; некоторые их преступления, вероятно, не доводились до суда, или, решались в судебных учреждениях более высокого уровня (Юстиц-коллегии, Сенате).

Таблица 1. Гендерное распределение дел ¹
Table 1. Gender distribution of cases

Пол обвиняемого	Количество обвиняемых	Количество преступлений
Мужчины	386	363 (80,8 %)
Женщины	92	72 (16 %)
Мужчины + Женщины	17(М)+17(Ж)	14 (3,2 %)
Итого	512	449 (100 %)

Приведенные цифры носят условный характер. Главный маркер социального положения женщины – ее собственные слова о себе в начале допроса или в конце челобитной. В одних случаях этой самоидентификации достаточно для понимания места обвиняемой в социальной иерархии, поскольку она соответствует традиционному представлению о социальной структуре общества того времени. Однако есть и более сложные случаи, когда возникает противоречие между самоидентификацией арестованной и остальными ее показаниями.

Все преступления, совершенные мужчинами и женщинами в 1730-х гг., можно разделить на пять больших групп: насильственные преступления, преступления против интересов государства, имущественные преступления, блуд и «волшебство». Здесь мы остановимся на трех последних группах, поскольку в остальных двух участие женщин практически незаметно.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Категория имущественных преступлений включает более половины всех преступлений, совершенных женщинами, и половину всех преступлений, совершенных мужчинами. Самым распространенным преступлением среди мужчин и женщин было воровство: хищение чужого имущества, денег, лошадей, церковная кража, кража во время пожара. За рассматриваемое десятилетие было

¹ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Дд. 12, 14, 17, 19, 21–24, 2628, 31–33, 35, 37, 43, 47, 48, 50–53, 55–57, 59–67, 69, 72, 73, 75, 76, 78–82, 85–87, 89–92, 94–101, 103, 105, 108, 110–119, 123, 133, 135, 137–139, 141–143, 148, 149, 151–154, 156, 157, 159, 160, 162, 165, 166, 168–172, 175–183, 186–190, 193, 196, 198, 201–203, 209, 211, 213–215, 217–220, 222–227, 230, 233, 235–237, 239–241, 243, 244, 246–248, 250–252, 254–256, 259–276, 281, 282, 284–288, 290, 292–303, 305–320, 322–330, 334–341, 344, 346–364, 366–370, 372, 373, 375–379, 381–383, 385, 387, 390, 396–400, 403–410, 412–416, 419–421, 423–425, 427–431, 433–437, 439–455, 457, 458, 460–472, 474, 475, 477, 479–500, 503–514, 516–519, 522, 525, 527, 528, 530, 532–535, 537, 542–546, 548, 549, 551–554, 556, 557, 559–572, 574–580, 582–588, 590, 592–597, 600–602, 608, 614–617, 619–621, 623–626, 628, 629.

зарегистрировано 53 случая краж, совершенных женщинами, и 175 мужчинами. Грабеж и разбой также были имущественными преступлениями, но в XVIII в. среди их законодательных характеристик было применение насилия, совершение в составе преступных групп и нанесение серьезного имущественного ущерба. Рассматриваемые здесь случаи, хотя и включают кражи ценных и дорогостоящих вещей, все же этот ущерб не сопоставим с наносимым бандами грабителей, опустошавших дома и поместья.

В российском праве раннего Нового времени, как отдельное преступление свято-татственного характера во всех законодательных актах, начиная со второй половины XVII в. выделялась церковная кража. В нашей базе есть пять случаев, когда такая кража была совершена женщиной. В 1730 г. крестьянка Татьяна Данилова украла икону и кресты из домашней церкви кн. Волконского [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 12]. В 1737 г. крестьянка Дарья Семенова тайно сняла икону с полки во время вечерней проповеди [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 268, л. 2], а жена пономаря Анна Иванова, была обвинена в том, что ночью, разломала алтарную ограду, забрала 75 руб., ободрала оклады с икон и украла сами иконы [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 273, л. 38об.]. В восемнадцати случаях «церковными татями» были мужчины.

Бег со сносом – еще одно распространенное преступление, совершаемое представителями обоих полов. В 1730-е гг. в Сыскном приказе по этому виду преступлений было возбуждено двенадцать дел против женщин и девятнадцать против мужчин. Крестьяне, бежавшие от хозяев, брали с собой вещи, которые могли быть им полезны или которые можно было продать. Как правило, это были предметы одежды, украшения, иногда деньги. Например, дворянин М. Неронов жаловался, что его крепостная Вера Федосьева, «покрав разных вещей ..., бежала ..., а кражею взяла ... крест в серебре алмазной, цена сто девять рублей, к сему пятьдесят червонных золотых одинаких на сто рублей, часы карманные золотые, цена сто дватцать рублей, серьги в серебре ж алмазные без подвесков, цена шездесят рублей, перстень в серебре алмазной, цена сорок рублей, три нитки жемчюгу крупного весом десять золотников, цена сто рублей» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 275, л. 2]. Очевидно, что денег, которые Вера могла выручить от продажи краденого, ей хватило бы на безбедную жизнь.

Однако в большинстве случаев дворовые не брали с собой ничего, кроме одежды, что была на них в момент побега. Помещики при этом всегда знали, во что был одет беглый, и объявляли эти вещи украденными. Пойманные беглецы в допросах подобную кражу отрицали, что свидетельствует о разнице восприятия: крестьянин простодушно объяснял, что взял свое, а помещик не допускал мысли о том, что у крепостного может быть своя собственность.

Сказанное выше относится к побегам, которые дворовые совершали, «не похотя жить» в хозяйском доме. Но наряду с этим есть дела о побеге, события в которых развиваются по одному и тому же сценарию: солдат, стоящий в доме на постое, соблазняет дворовую девушку, а когда приходит время отъезда, уговаривает ее

бежать, прихватив с собой хозяйские вещи, и обещая на ней жениться. Девушка отдает украденное солдату, тот подыскивает ей укрытие, после чего скрывается. Это явление демонстрирует не только специфично женское и специфично мужское криминальное поведение, но и одну из социальных практик, порожденную появлением регулярной армии. Если учесть, что солдат редко удавалось отыскать, а доказать их вину было сложно, можно предположить, что действовали они по отработанной схеме. Впрочем, обвинение солдата могло быть и уловкой, попыткой обвиняемой снять с себя ответственность.

В отличие от церковной кражи и бега со сносом, скупку краденого и торговлю им можно с уверенностью назвать типично женским преступлением. В 1730 г. обвиняемая в краже Татьяна Данилова указала, что ворованные вещи «продала у моисеевских богаделен ... женкам Ирине Лукьяновой да дочери ее Катерине з другими их торговки, а как их зовут и где живут, не знает, только в лицо их знает и указать может» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 1]. Приведенные в Сысской торговки это подтвердили, но, как и во всех подобных случаях, женщины оправдывались тем, что товар «за чисто, а не за воровское купили» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 10об.]. Почти во всех делах о торговле краденым женщины оговаривают, что купили вещи на продажу «бес порук», то есть не просто *не знали*, ворованный или нет товар покупают для перепродажи, но, скорее всего, *и не хотели этого знать*. Впрочем, упоминание о покупке «бес порук» могло служить в глазах женщин оправданием: ее вина в таком случае сводилась к излишней доверчивости и наивности, из преступницы она превращалась в пострадавшую.

БЛУД

К категории «блуда» отнесены осуждаемые Церковью, и государством правонарушения сексуального характера — внебрачная связь, двоебрачие, побег от мужа. Всего в нашей базе девять таких случаев: в трех из них речь идет о последствиях блуда, то есть, о судьбе прижитых детей [РГАДА, ф. 372, оп. 1, дд. 481, 497, 537], в двух случаях женщины либо уходят от мужа с разбойником [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 47], либо открыто «чинят блудное дело» с преступником в доме мужа [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 51]. В двух делах женщины, живя с мужем, тайно имели связь со «служителями» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, дд. 55, 309], еще в одном солдатская жена за долгим отсутствием мужа и неясностью его судьбы стала жить с купцом [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 440], а в другом обвинялась вдова, жившая вне брака с офицером [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 287].

Что касается двоебрачия, то в базе лишь два дела о повторном замужестве при живом муже. Это не означает, что случаи двоебрачия или побег от мужа были редкостью. До недавнего времени историков интересовало в основном русское брачное законодательство. В последние годы ученые стали изучать не то, как должно было быть, а то, как обстояло дело в реальности [Бошковска, 2014; Кайзер, 2005;

Кошелева, 2016; Левин, 1999]. Н. Бошковска отмечает, что побеги женщин были распространенной формой сопротивления домашнему насилию. И. Левин считает, что челобитные о побеге жен подавались мужьями, чтобы обезопасить себя, а О.Е. Кошелева подчеркивает, что основной «побудительной причиной» подачи таких челобитных «обычно являлась необходимость вступить в другой брак» [Кошелева, 2016, с. 326].

Основываясь на источниках нашей базы, можно сказать, что двоебрачие было в большей степени женским преступлением, и неудивительно, что в начале XVIII в., с образованием регулярной армии, оно стало довольно распространено. Мужчины уходили на пожизненную службу, жены подолгу не знали об их судьбе, и одним из способов их выживания становилось сожителство или брак с другим мужчиной, что не исключает и то, что и женщины, и мужчины могли вступить в новые отношения по любви. Однако надо иметь в виду, что в Сыскной приказ попадала лишь небольшая часть дел о двоебрачии, поскольку по закону эти дела относились к ведению церкви. Случаи из нашей базы расследовались в Сыском, потому что эти преступления сопровождались другими, более серьезными. Таким образом, в нашей выборке представлена лишь малая часть дел о блуде, и делать на ее основании какие-либо выводы о степени вовлеченности женщин в преступления «против морали» невозможно.

«ВОЛШЕБСТВО»

В XVIII в. дела о колдовстве не были редкостью. Вера в чудодейственные отвары, корешки и наговоры была присуща не только низшим слоям населения: даже среди дворянской элиты известны персонажи, использовавшие магию, не говоря уже о представителях мелкого и среднего дворянства. Тем не менее Е.Б. Смилянская считает суеверия и колдовство проявлением «народной религиозности», для которой было характерно «сочетание веры во спасение во Христе с верой в “волшебство”, готовности к “чуду”, постоянного ожидания “чудес” от святынь с “наказанием” святыни за “неповиновение”» [Смилянская, 2003, с. 17].

В нашей базе семь случаев, когда женщин обвиняли в колдовстве; большинство составляют заговоры крепостных на своих хозяев с целью умиловить последних. Так, 17-летняя дворовая Агафья Севостьянова жаловалась кормилице хозяйских детей, что «помещик и помещица ее до ней, Агафьи, весьма лихи, можно ли какой ей способ учинить, помещик и помещица были до ней, Агафьи, добры» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 361, л. 3об.]. Дворовая Авдотья Семенова родила ребенка от другого дворового, за что была выпорота помещиком, и старшая подруга посоветовала ей, «чтоб она от Господа нашего Иисуса Христа отрекалась и веровала б в беса, и кланялась бы в потемках в угол, и бес к ней придет, и пила б свои саки, и до нее помещик и помещица будут добры» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 350, л. 4]. Авдотья послушалась и «образам не молилась дней с пять, а веровала и кланялась в

горнице в потемках бесу, только того бесу она не видала, и потом, нассав в ставец, пила раза с три, только от помещика и от помещицы в то время никакой особой милости не было, а имелась так, как бывало и прежде того» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 350, л. 4об.]. Этот случай демонстрирует, что не все магические действия можно отнести к народной религиозности. В данном случае стремление расположить к себе хозяев связано с обращением к черной магии.

Другой причиной, толкавшей женщин на колдовство, были любовные переживания и желание выйти замуж. О последнем так сильно мечтала 30-летняя Василиса Кононова, что даже решила отравить свою помещицу. Пожилая хозяйка отправилась в монастырь, взяв с собой Василису, а та купила некое «красное мыло» и подложила его в еду помещице. Сама Василиса объясняла: «я хочу боярыне положить в кушенья того ради, чтоб она скорее умерла, а меня бы боярин замуж выдал скорее» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 272, л. 2].

Как показывают приведенные случаи, часто обвиняемыми оказываются женщины, прибегшие к *использованию* магии. Но в их показаниях фигурируют и люди, которые *творили* магию. Очевидно, чародейство как «профессия», как способ заработка было более распространено среди мужчин. Также они часто прибегали к «волшебству» в «служебных целях», например, заговоры «от ружья». Женщины же были склонны пользоваться магическими словами или предметами в хозяйственных делах, а также привлекать их для решения проблем, связанных с взаимоотношениями с окружающими, будь то мужья, возлюбленные или хозяева-помещики.

Пособничество в сбыте краденого и сожительство с преступниками в притонах было нишей, которую в профессиональном преступном мире Москвы безраздельно занимали женщины [Акельев, 2012, с. 258]. Но объединение в группы с целью совершения преступлений характерно для мужской преступности. Женщины в основном предпочитали действовать в одиночку, а если и объединялись, то ради разделения труда: одни воровали, а другие продавали.

Подлоги, должностные преступления, фальшивомонетчество были типично мужскими преступлениями, имевшими отношение к публичной сфере. Женщины же не были вовлечены в публичную сферу и в силу этого не имели необходимых навыков для совершения некоторых видов преступлений, например, фальшивомонетничества.

* * *

Анализ документов Сысского приказа за 1730-е гг. позволяет утверждать, что женская преступность как феномен существовала: она отличалась от мужской и имела свою специфику. Основными женскими преступлениями были кража и торговля краденым. Женщины практически не совершали насильственных преступлений, не использовали оружие. Женская преступность была менее разнообразна чем мужская, поскольку круг доступных женщинам преступлений был ограничен

их выключенностью из публичной сферы и отсутствием некоторых навыков. Цели обращения к колдовству у обоих полов были различные.

Однако сводить специфику женской преступности к компенсационным стратегиям женщин, подавляемых патриархатом, не представляется плодотворным. Нет никаких свидетельств того, что русские женщины XVIII в. ощущали его давление. Однако следует признать, что основные паттерны преступности были продиктованы не только социальной структурой, но и распределением гендерных ролей в обществе.

Данная статья является по сути первым приступом к теме женской преступности. Расширение хронологических и территориальных рамок позволит уточнить и детализировать представления о ней, дополнив их, в частности, сведениями о приговорах и наказаниях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акельев Е.В. Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 27.02.09. М., 2009. 368 с.

Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия, 2012а. 413 с.

Акельев Е.В., Бабкова Г.О. Практика розыскного процесса в Сыском приказе (1730-е–1750-е гг.) // *Историко-правовые проблемы: Новый ракурс*. 2011. № 4(1). С. 9–22.

Акельев Е.В. Сыской приказ (1730–1763 гг.) – центральный орган уголовной юстиции Российской империи // *Проблемы предупреждения и борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Новосибирск: «НИНХ», 2012б. С. 46–51.

Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: НЛО, 1999. 719 с.

Бабкова Г.О. Понятия «криминальный» и «уголовный» в проектах по обновлению уголовного права и процесса Екатерины II // *Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского*. М.: Древлехранилище, 2014. С. 161–206.

Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII–середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2014. 480 с.

Бошковская Н. Мир русской женщины семнадцатого столетия. СПб.: Алетейя, 2014. 523 с.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII–начале XVIII века. М.: Наука, 1977. 263 с.

- Кайзер Д. Развод, серьезная болезнь и супружеская любовь в России в XVII в. // *От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову*. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. С. 260–267.
- Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: РГГУ, 2007. 403 с.
- Кивельсон В. Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 480 с.
- Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.
- Кошелева О.Е. Две девки Пелагеи и веселая вдова (из жизни незначительных людей в эпоху Петра I) // *Родина*. 2002. № 9. С. 44–47.
- Кошелева О.Е. «Не ходя к правильному суду...» (феномен «разводного письма» в России петровского времени) // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2016. Вып. 11. С. 325–342.
- Кошелева О.Е. Фекла и Фемида: Одноактная пьеса в трех сценах, писанная подьячими Санкт-Петербургского Нижнего суда, с прибавлением двух прологов и эпилога // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. 2003. Вып. 5. С. 418–440.
- Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древнехранилище, 2000. 511 с.
- Левин И. Секс и общество в мире православных славян 900–1700 гг. // «А се грехи злые, смертные...». *Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X–первая половина XIX в.)*. М.: Ладомир, 1999. С. 239–492.
- Маррезе М.Л. «Бабые царство»: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М.: Новое литературное обозрение, 2009. 368 с.
- Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XIX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
- Муравьева М.Г., Пушкарева Н.Л. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI вв.). СПб.: Издательство ЕУСПб, 2012. 200 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. Т. 7. № 4344. О форме суда. СПб., 1830. С. 147.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. Т. 8. № 5521. Об учреждении Судного и Сысского приказов. СПб., 1830. С. 258.
- Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII в. М.: Ломоносовъ, 2012. 202 с.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 372. Оп. 1. Дд. 12, 47, 51, 55, 268, 272, 273, 275, 287, 309, 350, 361, 440, 481, 497, 537.
- Ролдугина И.А. Открытие сексуальности. Трансгрессия социальной стихии в стихии в Санкт-Петербурге в середине XVIII века. По материалам Калининской комиссии // *Ab Imperio*. 2016. № 2. С. 29–69.

- Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 464 с.
- Тогоева О.И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 352 с.
- Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII–начале XIX в. Тамбов: Юлис, 2004. 508 с.
- Devereaux S. The Abolition of the Burning of Women in England Reconsidered // *Crime, History and Societies*. 2005. № 9. Pp. 73–98.
- Kilday A.-M. Women and Violent Crime in Enlightenment Scotland. Royal Historical Society Studies in History. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2007. 183 p.
- MacKay L. Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779–1789 // *Journal of Social History*. 1999. № 32. Pp. 623–639.
- Muravyeva M. Russian Early Modern Criminal Procedure and Culture of Appeal // *Review of Central and East European Law*. 2013. № 3–4. Pp. 295–316.
- Rublack U. The Crimes of Women in Early Modern Germany. Oxford: Clarendon Press, 1999. 292 p.
- The Oxford Handbook of Gender, Sex, and Crime. Ed. by Gartner R., McCarthy B. Oxford: Oxford University Press, 2014. 736 p.
- Walker G. Crime, gender, and social order in early modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 310 p.

REFERENCES

- Akelev E.V. *Gorodskaya prestupnaya sreda i opyt bor'by s nei v Rossii i Frantsii pervoi poloviny XVIII v.: sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [The urban criminal environment and the experience of combating it in Russia and France in the first half of the 18th century: a comparative historical study]. Moscow, 2009. 368 p. (in Russian).
- Akelev E.V. *Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina* [Daily life of the thieves' world of Moscow during the time of Vanka Kain]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2012a. 413 p. (in Russian).
- Akelev E.V. *Sysknoi prikaz (1730–1763 gg.) – tsentral'nyi organ ugolovnoi yustitsii Rossiiskoi imperii* [Investigation Chancellery (1730–1763) – the central body of criminal justice of the Russian Empire], in *Problemy preduprezhdeniya i bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i upravleniya "NINKh", 17–18 maja 2012 g.* [Problems of preventing and combating crimes and other offenses: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINKh", 17–18 may 2012]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management "NINKh" Publ., 2012b. Pp. 46–51 (in Russian).

Akelev E.V., Babkova G.O. *Praktika rozysknogo protsessa v Sysknom prikaze (1730-e–1750-e gg.)* [The practice of the search process in the Investigative Chancellery (1730s–1750s)], in *Istoriko-pravovye problemy: Novyi rakurs*. 2011. No 4(1). Pp. 9–22 (in Russian).

Anisimov E.V. *Dyba i knut: politicheskii sysk i russkoe obshchestvo v XVIII veke* [Dyba and knout: political investigation and Russian society in the 18th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 719 p. (in Russian).

Babkova G.O. *Ponyatiya “kriminal’nyi” i “ugolovnyi” v proektakh po obnovleniyu ugolovnogo prava i protsessa Ekateriny II* [The concepts of “criminal’nyi” and “ugolovnyi” in projects to update criminal law and the process of Catherine II], in *Gishtorii rossiiskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo* [Russian gishtoria, or Experiments and searches for the anniversary of Alexander Borisovich Kamensky]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2014. Pp. 161–206 (in Russian).

Belova A.V. *“Chetyre vozrasta zhenshchiny”: Povsednevnyaya zhizn’ russkoi provintsial’noi dvoryanki XVIII–serediny XIX v.* [“Four ages of a woman”: Everyday life of a Russian provincial noblewoman of the 18th–the middle of the 19th century]. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 2014. 480 p. (in Russian).

Boshkovska N. *Mir russkoi zhenshchiny semnadtsatogo stoletiya* [The world of a Russian woman of the seventeenth century]. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 2014. 523 p. (in Russian).

Kaizer D. *Razvod, ser’eznaya bolezni’ i supruzheskaya lyubov’ v Rossii v XVII v.* [Divorce, serious illness and conjugal love in Russia in the 17th century], in *Ot Drevnei Rusi k novoi Rossii: Yubileinyi sbornik, posvyashchennyi chl.-korr. RAN Ya.N. Shchapovu* [From Ancient Rus to New Russia: Jubilee Collection Dedicated to Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Ya.N. Shchapov] Moscow: Palomnicheskii tsentr Moskovskogo Patriarkhata Publ., 2005. Pp. 260–267 (in Russian).

Kamenskii A.B. *Povsednevnost’ russkikh gorodskikh obyvatelei. Istoricheskie anekdoty iz provintsial’noi zhizni XVIII v.* [Daily life of Russian urban dwellers. Historical anecdotes from the provincial life of the 18th century]. Moscow: RGGU Publ., 2007. 403 p. (in Russian).

Kivelson V. *Magiya otchayaniya. Moral’naya ekonomika koldovstva v Rossii XVII veka* [Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia]. Saint-Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika, 2020. 480 p. (in Russian).

Kollmann N.Sh. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and punishment in early modern Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 616 p. (in Russian).

Kosheleva O.E. *Dve devki Pelagei i veselaya vdova (iz zhizni neznamenitnykh lyudei v epokhu Petra I)* [Two girls Pelageyas and a cheerful widow (from the life of unknown people in the era of Peter I)], in *Rodina*. 2002. No 9. Pp. 44–47 (in Russian).

Kosheleva O.E. *Fekla i Femida: Odnoaktnaya piesa v trekh stsenakh, pisannaya pod’yachimi sankt-piterburkhsckogo Nizhnego suda, s pribavleniem dvukh prologov i epiloga* [Tekla and Themis: an one-act play in three scenes, written by the clerks of the St. Petersburg

Lower Court, with the addition of two prologues and an epilogue], in *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 2003. No 5. Pp. 418–440 (in Russian).

Kosheleva O.E. "Ne khodya k pravil'nomu sudu..." (fenomen "razvodnogo pis'ma" v Rossii petrovskogo vremeni) ["Without going to the pravilnyi court ..." (the phenomenon of "divorce letter" in Russia during Peter's the Great time)], in *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 2016. No 11. Pp. 325–342 (in Russian).

Lavrov A.S. *Koldovstvo i religiya v Rossii. 1700–1740 gg.* [Witchcraft and religion in Russia. 1700–1740]. Moscow: Drevnekhranilishche Publ., 2000. 511 p. (in Russian).

Levin I. *Seks i obshchestvo v mire pravoslavnykh slavyan 900–1700 gg.* [Sex and Society in the World of Orthodox Slavs 900–1700], in "A se grekhi zlye, smertnye...". *Lyubov', erotika i seksual'naya etika v doindustrial'noi Rossii (X–pervaya polovina XIX v.)* ["And these sins are evil, mortal...". Love, eroticism and sexual ethics in pre-industrial Russia (10th–first half of the 19th century)]. Moscow: Lodomir Publ., 1999. Pp. 239–492 (in Russian).

Marreze M.L. "Bab'e tsarstvo": *dvoryanki i vladenie imushchestvom v Rossii (1700–1861)* ["Women's Kingdom": Noble Women and Ownership of Property in Russia (1700–1861)]. Moscow: NLO Publ., 2009. 368 p. (in Russian).

Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XIX v.)* [Social history of Russia during the period of the empire (XVIII–early XIX century)]. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2000. Vol. 1. 548 p. (in Russian).

Muravyeva M.G. Pushkareva N.L. *Bytovoie nasilie v istorii rossiiskoi povsednevnosti (XI–XXI vv.)* [Domestic violence in the history of Russian daily life (XI–XXI centuries)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2012. 200 p. (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 7. Saint-Petersburg: 1830. No 4344. O forme suda. [On the form of the court]. P. 147.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 8. Saint-Petersburg: 1830. No 5521. Ob uchrezhdenii Sudnogo i Sysknogo prikazov. [On the establishment of the Judicial and Investigative Chancelleries]. P. 258.

Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' russkoi zhenshchiny XVIII* [The Private Life of a Russian Woman XVIII]. Moscow: Lomonosov Publ., 2012. 202 p. (in Russian).

Roldugina I.A. *Otkrytie seksual'nosti. Transgressiya sotsial'noi stikhii v Sankt-Peterburge v seredine XVIII veka. Po materialam Kalinkinskoi komissii* [The discovery of sexuality. Transgression of the social element in St. Petersburg in the middle of the 18th century. Based on materials from the Kalinkin Commission], in *Ab Imperio*. 2016. No 2. Pp. 29–69 (in Russian).

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 372. Inv. 1. Dd. 47, 51, 55, 268, 272, 273, 275, 287, 309, 350, 361, 440, 481, 497, 537.

Shcherbinin P.P. *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII–nachale XIX v.* [The military factor in the everyday life of a Russian woman in 18th–beginning of the 19th century]. Tambov: Yulis Publ., 2004. 508 p. (in Russian).

Smilyanskaya E.B. *Volshebniki. Bogokhul'niki. Eretiki. Narodnaya religioznost' i "dukhovnye prestupleniya" v Rossii XVIII v.* [Magicians. Blasphemers. Heretics. Popular religiosity and "spiritual crimes" in Russia in the 18th century]. Moscow: Indrik Publ., 2003. 464 p. (in Russian).

Togoeva O.I. *Dela ploti. Intimnaya zhizn' lyudei Srednevekov'ya v prostranstve sudebnoi polemiki* [Flesh affairs. Intimate life of people of the Middle Ages in the space of judicial polemics]. Moscow, Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 352 p. (in Russian).

Vodarskii Ya.E. *Naselenie Rossii v kontse XVII–nachale XVIII veka* [Population of Russia in the late 17th–early 18th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 263 p. (in Russian).

Devereaux S. The Abolition of the Burning of Women in England Reconsidered, in *Crime, History and Societies*. 2005. No 9. Pp. 73–98.

Kilday A.-M. *Women and Violent Crime in Enlightenment Scotland. Royal Historical Society Studies in History*. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2007. 183 p.

MacKay L. Why They Stole: Women in the Old Bailey, 1779–1789., in *Journal of Social History*. 1999. No 32. Pp. 623–639.

Muravyeva M. Russian Early Modern Criminal Procedure and Culture of Appeal', in *Review of Central and East European Law*. 2013. No 3–4. Pp. 295–316.

Rublack U. *The Crimes of Women in Early Modern Germany*. Oxford: Clarendon Press, 1999. 292 p.

The Oxford Handbook of Gender, Sex, and Crime. Ed. by Gartner R., McCarthy B. Oxford: Oxford University Press, 2014. 736 p.

Walker G. *Crime, gender, and social order in early modern England*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 310 p.

Статья принята к публикации 26.08.2021